
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ

Ж.М. Арутюнова

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Е.В. Линькова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется влияние революционных событий во Франции в 1789–1794 гг. на становление российского консерватизма. Авторы показали восприятие представителями российского консерватизма причин и итогов революции в свете идейных и культурных контактов между Россией и Францией во второй половине XVIII – начале XIX столетия. В статье исследуется формирование образа Франции в консервативных кругах России первой половины XIX в.

Ключевые слова: российский консерватизм, революция, общественная мысль, российско-французские отношения.

«На первый взгляд может показаться, что не найти в Европе более непохожих стран, чем Франция и Россия. Расположенные на разных концах континента, и в Средние века, и в Новое время наши страны развивались по-разному... что долгое время ограничивало связи между ними... Настоящее знакомство состоялось лишь в XVIII в., сначала через книги и знания, позднее через железо и кровь, и, наконец, через людей» (1).

Подобное высказывание посла Франции в России Ж. де Глиниasti совершенно справедливо, так как российско-французские отношения – это яр-

кий пример довольно противоречивых контактов двух государств и народов, а тематика этих связей необыкновенно обширна. Это и политика, и дипломатия, и военные конфликты, и искусство, и мода, и научные знания. Влияние французской культуры, политической и социальной мысли начинает особо ощущаться в России в XVIII в., когда Франция становится своеобразным интеллектуальным лидером Европы. Изучая становление и развитие общественно-политической мысли России, историки отмечают заметное влияние идей французских просветителей, государственных и политических деятелей.

При исследовании генезиса общественного сознания в России сложилось традиционное мнение, что мировоззрение Просвещения, события Великой французской революции повлияли на становление русского радикализма и либерализма, в частности, в форме декабризма. Между тем представляется справедливым отметить, что идейные влияния со стороны Франции периода Французской революции конца XVIII столетия оказали существенное воздействие и на развитие отечественного консерватизма, обусловили его специфику, которая в дальнейшем отличала его от французской или английской консервативной традиции. Стремление не допустить повторения французских событий на русской почве, ощущение социальной бури, угрозы, исходившей от революционной Франции, кровавые последствия революции, – все это заставляло задуматься консервативно настроенную часть русского дворянства о пагубности увлечения идеями Просвещения, воззрениями о превосходстве человеческой личности и разума.

Именно на этом противопоставлении России с ее глубокими традициями государственности, общинности, духовности и революционной Европы в дальнейшем базировались идейные установки ранних русских консерваторов (С.Н. Глинки, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина), Н.М. Карамзина, Ф.И. Тютчева, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, а также представителей так называемого официального, правительственного консерватизма, например, С.С. Уварова. Россия в данном контексте выступает как сила, противостоящая Революции, как сдерживающее, истинно христианское начало. Через призму революционных событий 1789–1794 гг. отечественные консервативные мыслители рассматривали события, происходившие в России, например, попытки либеральных преобразований Александра I в начале XIX в. Необходимо отметить, что само консервативное направление в России оформилось в начале XIX в. (хотя многие его принципы были сформулированы еще в конце XVIII в., например, в работах М.М. Щербатова) как своеобразный ответ части дворянского общества на события Французской революции, которые повлекли за собой существенные изменения в государственном и общественном строе европейских государств, а также как реакция на предпринимаемые правительственными кругами попытки экстраполировать западноевропейскую либерально-конституционную модель на русскую почву.

Оценивая роль Французской революции и ее влияние на становление консервативной концепции в России XIX в., необходимо обратиться к вопросу о собственно французском идейном воздействии на русское дворянское общество, на императорский двор в конце XVIII – начале XIX в. Прежде всего, можно отметить, что события Французской революции привели к значительному росту численности французов в России. Еще с середины XVIII в. установление прочных двухсторонних русско-французских отношений способствовали тому, что в России формируется своеобразная французская община, состоявшая в основном из негоциантов, торговцев и ремесленников. Можно выделить несколько факторов, повлиявших на этот процесс: «одни мечтали разбогатеть, другие – уйти от тягостного прошлого и начать жить заново... гугеноты – обрести свободу совести...» (2). Но одной из важнейших причин, вынудивших французов эмигрировать в Россию, была Французская революция 1789 г.

Сюда устремился большой поток роялистов, священнослужителей, бывших французских дворян, которые рассматривали Россию как оплот монархической власти и традиционных ценностей. На русской почве оказались представители самых громких французских фамилий: Rochecouart, Montmorency, La Rochefoucault, Broglie, Polignac, Richelieu, Toulouze, La Trémolle, Damas, Laval, многие из которых не только поступили на государственную службу, но и оказали заметное влияние на развитие общественного мнения в стране. Например, в 1784 г. в Россию приезжает брат Марата – Давид, который обосновался в Санкт-Петербурге и с разрешения Екатерины II сменил фамилию и стал именоваться Давидом Ивановичем Бодри. Впоследствии он становится преподавателем французского языка и литературы в Царскосельском лицее именно в те годы, когда там проходил обучение А.С. Пушкин.

Не менее интересна и судьба другого известного француза, роялиста и консерватора Жозефа де Местра, который, будучи изгнанным из Франции, в мае 1803 г. прибыл в Петербург. В российской столице Ж. де Местр завязал дружеские отношения с такими государственными и общественными деятелями, как В.П. Кочубей, А.К. Разумовский, С.С. Уваров, П.А. Толстой, Ф.Ф. Вигель и др. Необходимо отметить, что образ Французской революции, созданный и пропагандируемый Ж. де Местром, в дальнейшем во многом повлиял на отношение к революционным событиям со стороны консервативно настроенной части русского общества. В своей книге «Размышления о Французской революции» Ж. де Местр называет революцию ««сатаническим» явлением, карой за грехи» и приходит к убеждению о том, что «теократия есть единственно возможная форма устройства богочеловеческого единения на земле» (3). Де Местр остро критиковал и сами идеи гуманизма и просвещения, породившие, по его мнению, французскую революцию. Права человека, принцип равенства людей он считал «фикцией и политической риторикой» и был убежден, что «голоса надобно взвешивать, а не счи-

тать» (4). Многие воззрения де Местра о сильной монархической власти, подпитываемой религиозной константой, нашли впоследствии отражение в общественно-политических взглядах таких отечественных консерваторов, как И.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев, Н.М. Катков и др.

Таким образом, можно отметить, что на развитие отечественного консервативного направления большое влияние оказали не только идеи, но и люди, французские эмигранты, роялисты, нашедшие в России благодатную почву для распространения своих взглядов и ценностей.

Еще одним немаловажным аспектом при рассмотрении данного вопроса является проблема формирования образа революционной Франции в российской дворянской среде. Если для одних (А.Н. Радищева, затем декабристов) образ революции оказался довольно притягательным, то у другой части российских интеллектуалов появились идеи, связанные с необходимостью защиты России от возможной революционной «заразы».

Наибольшую роль в первое десятилетие XIX в. и в период Отечественной войны 1812 г. в складывающемся консервативном направлении играли такие фигуры, как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка. Во многом теоретическая и практическая деятельность этих мыслителей и государственных деятелей была вызвана к жизни теми угрозами, которые несли самодержавному, православному и традиционному укладу идеи Просвещения и революционный радикализм. Именно поэтому для ранних русских консерваторов образ Франции во многом становится тождественен образу революции, в дальнейшем дополняемому образом наполеоновской агрессии. Отечественная война сплотила русское общество, способствовала подъему национального самосознания, но в общественном мнении победа в кампании 1812 г. произвела двойственный эффект. С одной стороны, она явилась толчком для подъема оппозиционных и радикальных настроений, с другой – укрепила консервативно настроенную часть общества в мысли о превосходстве общественно-политического строя России над западноевропейским, о победе России не только над Наполеоном, но и над Революцией.

В свою очередь, подобное эмоциональное восприятие Запада привело к складыванию двух парадигм в общественной мысли России. С одной стороны, русское общество увидело разрушительные последствия нашествия Запада на Россию, что несомненно привело к определенной настороженности, а подчас и враждебности по отношению к странам Западной Европы. С другой, – осознание военного, научного превосходства Запада породило феномен декабристов, П.Я. Чаадаева, русского западничества и радикализма.

Еще в 1803 г. А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» сформулировал основные принципы оформлявшегося русского консерватизма, являвшиеся явным «противовесом» революционным воззрениям, исходившим от Франции. В их числе: «недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам; необходимость опоры на традиции (языковые, религиозные, поли-

тические, культурные, бытовые (например в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах), изучения русского языка во всех его ипостасях; патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии; борьба с галломанией и космополитизмом» (5). Во многом ранние русские консерваторы, в их числе А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка, саму национальную культуру считали «ответственной» за Французскую революцию, а потому требовали отказа от французского языка, от повсеместной дворянской галломании. Подобные мысли можно встретить и в произведениях А.С. Шишкова, и Ф.В. Ростопчина («Мысли вслух на Красном крыльце», 1807 г.). Как справедливо указывает исследователь русского консерватизма А.Ю. Минаков, «галломания» – ориентация на французский язык и французские культурно-поведенческие модели – явилась провокативным фактором для вызревания начальной модели русского консерватизма» (6).

Весьма сложным было отношение к революции и у Н.М. Карамзина, размышлявшего в «Письмах русского путешественника» о событиях во Франции в 1789 г.: «Можно ли было ожидать таких сцен в наше время, от зефирных Французов, которые славились своею любезностию, и пели с восторгом от Кале до Марсели, от Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi...
Для любезного народа
Счастье – добрый Государь?» (7)

Далее в этом же письме Н.М. Карамзин напоминает читателям, что «народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства. Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. “Утопия”... будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей – и довольно» (8). Говоря о революции, Н.М. Карамзин отмечал, что «безначалие хуже всякой власти». Именно поэтому в «Записке о древней и новой России» историк писал, что «самодержавие есть Палладиум России», а ужасы Французской революции «излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства...» (9).

О французской революции много писали и мыслители-славянофилы, стремясь через призму ее событий понять сущность отечественного радикализма. И.С. Аксаков, высказываясь по поводу книги «Против течения» Н.А. Любимова (писавшего под псевдонимом Варфоломея Кочнева), отмечал, что при рассмотрении событий 1789 г. во Франции важно обратиться «ко времени, ей непосредственно предшествовавшего». Это время И.С. Аксаков называет периодом «либеральных иллюзий», которые захватили власть и общество (10). И над этими «либеральными иллюзиями» мыслитель призывает задуматься своих современников.

Анализируя причины и итоги революции, И.С. Аксаков отмечает, что развитию радикальных настроений в России должны будут помешать те патриархальные, традиционные начала, на которых держится Россия. Большую роль в укреплении российского государства мыслитель отводит народу, на которого, в отличие от народа Франции, власть всегда может опереться. В России народ, по его мнению, это «центр тяжести всего нашего государственного бытия... главный исторический фактор, направляющий основное течение нашей исторической жизни, хотя и не способный ни предупредить ее временные кривоблуждания, ни формулировать, в отвлеченной форме, своего политического мирозерцания...» (11). Именно эта особая сила русского народа, по мысли И.С. Аксакова, способна защитить российскую государственность, как это было не раз в истории России (в пример приводятся эпоха Смуты, междуцарствия, война 1812 г.). То есть И.С. Аксаков полагал, что русский народ может проявлять не только «отрицательную и разрушительную» силу, но и «положительную, зиждительную» (12), благодаря чему Россия сможет избежать революции и всех ее последствий.

Несомненно, революция во Франции стала своеобразным символом разрушения старой средневековой системы ценностей с обязательной христианской составляющей. Именно этот образ революции проанализировал Ф.И. Тютчев, яркий последователь идей Н.М. Карамзина, Ж. де Местра и др. Хотя в своих воззрениях автор опирался не столько на события 1789 г., сколько на революции в Европе 1830–1840-х гг., тем не менее он отмечал, что именно с XVIII в. берет свое начало практика отказа от христианских идеалов и ценностей и их замена на принципы рационализма. Единственной страной, где христианство сохранило свое существенное влияние, согласно убеждению Ф.И. Тютчева, остается Россия. Однако пренебрежительное отношение к исконно русским традициям, по его мнению, приведет ко все большему заимствованию западных политических элементов и в результате принесет на российскую почву главное социальное бедствие Запада – Революцию.

Ф.И. Тютчев попытался проанализировать истинные ценности и достижения революции, последствия демократических и либеральных лозунгов и обосновал их пагубность для российского государства и общества. Как и де Местр, он полагал, что политический курс любой страны должен строиться

в рамках ее исторической и национальной традиции, что избавит общество от кровавых потрясений. Революция для Ф.И. Тютчева – это не совсем реальное историческое событие, это, прежде всего, «дух», «разум», следствием которого оно является. Истоки революции мыслитель видел в удалении человека от Бога, в антропоцентризме, антихристианском рационализме, которые он трактует как богоотступничество и утверждение принципа философии Возрождения – «человек есть мера всех вещей». Этот постулат с развитием революционных тенденций превращается в следующее утверждение: «Я есть мера всех вещей». Ф.И. Тютчев полагал, что из этого принципа вытекают не только притязания на власть и верховенство над умами общества, но и стремление удовлетворить свои личные, индивидуалистические интересы.

Следует отметить, что в противовес идеям свободы личности, ставшими столь популярными во времена французской революции, отечественные консерваторы использовали аргумент об общинности русского народа, о стремлении к христианскому единению. «Человеческое я» не явилось, по мысли Ф.И. Тютчева, своеобразным «продуктом» революции, но именно в конце XVIII в. было возведено в Западной Европе в абсолют. Новшеством 1789 г. стало именно «самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом» (13).

Призывы социалистов-утопистов к свободе, к равенству и братству мыслитель называл искажением божественных заповедей. Эти принципы, по мнению Ф.И. Тютчева, подменяют свободное единение людей в Боге принудительным братством. Философ пишет, что «...наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи», проповедуют, «что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон» (14). Однако мыслитель утверждает, что невозможно реализовать принципы братства, если они основаны лишь на страхе, а не на христианских началах.

Лишь в православной России возможно это единение народа, так как только православному человеку доступна реализация принципов общинности и соборности, которые являются истинным и свободным стремлением людей к Богу. Исследователь наследия поэта Б.Н. Тарасов точно определяет глубинную сущность западноевропейских призывов к «братству»: «Свобода, равенство, братство – или смерть: так позднее заостренно выражал эту подмену сходно с Тютчевым и Достоевский» (15). Эту же мысль подчеркивал и И.С. Аксаков, отмечая, что создать государство на антихристианской основе невозможно без привлечения насилия и диктатуры, а потому «для дрессировки “братий” и для закрепощения “граждан” революция вынуждена была прибегнуть... к террору, и во имя свободы, равенства и братства явила свету такую чудовищность деспотизма, с которой может только равняться поджог Парижа петролеем, учиненный Парижскою коммуною» (16).

Россия, по мнению Ф.И. Тютчева, может миновать кровавые последствия революции, так как, будучи удаленной от революционной Европы, может «здорово оценить происходящее в ней» (17). Этот вывод близок мысли А.С. Пушкина о том, что «Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище... Европы» (18). Даже П.Я. Чаадаев отмечал, что Россию от Запада отделяет и духовная составляющая, которая позволяет ей объективно оценивать европейские революционные события (19).

Необходимо отметить, что на русской почве идеи Просвещения и Французской революции сыграли двоякую роль. Французская революция явилась образцом активной деятельности по переустройству государственности, в которую были вовлечены широкие слои французского общества. Именно к этому виду активности, стремлению сокрушить старые порядки будут в дальнейшем стремиться и декабристы, и последующее поколение революционеров.

С другой стороны, для части русского общества революционные события во Франции как конца XVIII в., так и середины XIX столетия показали, сколь непредсказуемы могут быть последствия подобных явлений, какой коренной и безвозвратной может быть ломка традиций. Представители консервативного лагеря общественной мысли подчеркивали, что Россия существует во многом благодаря своим историческим традициям государственности, религиозности общественного сознания, которые необходимо сохранять и развивать в противовес всеразрушающему духу революции, символизирующему «самовластие человеческого я» (20).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Guidiplo. L'Exemption France–Russie. – Girona, 2011. – P.77.
- (2) Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). – М., 2002. – С. 93.
- (3) *Местр Ж. де*. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. – СПб., 2007. – С. 7.
- (4) *Местр Ж. де*. Петербургские письма. – СПб., 1995. – С. 313.
- (5) *Минаков А.Ю.* Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Сборник научных работ. – Воронеж, 2005. – С. 17–18.
- (6) Там же.
- (7) *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – М., 1980. – С. 320.
- (8) Там же. – С. 321–322.
- (9) *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
- (10) *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. – С. 765.
- (11) Там же. – С. 767.
- (12) Там же. – С. 768.
- (13) *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма: В 6 т. – Т. 3. – М., 2003. – С. 145.

- (14) Там же. – С. 145.
- (15) Там же. – С. 324.
- (16) Аксаков И.С. Биография Ф.И. Тютчева. – Репр. изд. 1886 г. – М., 1997. – С. 181.
- (17) Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6 т. – Т. 3. – М., 2003. – С. 146.
- (18) Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 6. – М., 1962. – С. 237.
- (19) Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1989. – С. 157.
- (20) Ф.И. Тютчев и православие. – М., 2005. – С. 141.

NOTES

- (1) Guidiplo *L'Exeption France–Russie* [Iskljuchenie Francija-Rossija]. Girona, 2011, p.77.
- (2) *Otnosheniya mezhdru Rossiey i Frantsiey v evropeyskom kontekste (v XVIII–XX vv.)* [Relations between Russia and France in the European context (the 18–20th centuries)]. Moscow, 2002.
- (3) Mestr Zh. de. *Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russkomu dvoryaninu ob ispan-skoy inkvizitsii* [Four previously unreleased Chapter on Russia. Letters to Russian nobleman about Spanish Inquisition]. St-Petersburg, 2007, p. 7–8.
- (4) Mestr Zh. de. *Peterburgskie pis'ma* [Petersburg letters]. St-Petersburg, 1995, p. 313.
- (5) Minakov A.Yu. *Rol' sobytij 1812 g. v stanovlenii russkogo konservatizma Konservatizm v Rossii i Zapadnoy Evrope. Sbornik nauchnykh rabot* [Role of events of 1812 in formation of the Russian conservatism, Conservatism in Russia and Western Europe]. – Voronezh, 2005, p. 7–18.
- (6) Tam zhe [Ibid.]
- (7) Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of the Russian traveler]. Moscow, 1980, p. 320.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 321–322.
- (9) Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note about the ancient and new Russia], Availble at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
- (10) Aksakov I.S. *Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii?* [Why is it so difficult to live in Russia]. Moscow, 2002, p. 765.
- (11) Tam zhe [Ibid.], p. 767.
- (12) Tam zhe [Ibid.], p. 768.
- (13) Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma: V 6 t.* [Complete works. Letters: In 6 v]. Moscow, 2003, vol. 3, p. 145.
- (14) Tam zhe [Ibid.], p. 145.
- (15) Tam zhe [Ibid.], p. 324.
- (16) Aksakov I.S. *Biografiya F.I. Tyutcheva. Repr. izd. 1886 g.* [F.I. Tyutchev's biography. Repr. prod. 1886]. Moscow, 1997, p. 181.
- (17) Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniy...* [Complete works...], p. 146.
- (18) Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected works: In 10 v]. Moscow, 1962, vol. 6, p. 237.
- (19) Chaadaev P.Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow, 1989, p. 157.
- (20) *F.I. Tyutchev i pravoslavie* [F.I. Tyutchev and Orthodoxy]. Moscow, 2005, p. 141.

FRENCH REVOLUTION AND ITS ROLE IN FORMATION OF CONSERVATIVE TRADITION IN RUSSIA

Zh.M. Arutyunova

Department of Foreign Languages
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

E.V. Linkova

Department of Russian History
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the influence of the revolutionary events in France in 1779–1794 on the formation of Russian conservatism. The authors show the perception of the Russian conservatism representatives of the reasons and outcome of the revolution in the light of the ideological and cultural contacts between Russia and France in the second half of the XVIIIth – early XIXth century. The article analyses the formation of the image of France in the conservative circles of Russia in the first half of the XIXth century.

Key words: Russian conservatism, revolution, public thought, Russian-French relations.